Очерк департамента мировой экономики НИУ ВШЭ №2
Май 2021 года

Трудный процесс трансформации Бразилии в XXI веке

Леонид Маркович Григорьев[1]
Марина Федоровна Стародубцева[2]

Оглавление

Президенты Федеративной Республики Бразилия 1995 г. – н.вр. 3

1. Введение 4

1. Теория «ловушки среднего уровня развития» и Бразилия 7

2. От бума к «великой бразильской рецессии» 13

3. Что изменил Лула да Силва в социальной структуре страны 25

4. Новый политический поворот – кризис 2020 года 33

5. Уроки реформ в сложных условиях 38

Список использованных источников 43

---

1 Научный руководитель департамента мировой экономики, ординарный профессор НИУ ВШЭ

2 Стажёр-исследователь Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ

Президенты Федеративной Республики Бразилия 1995 г. – н.вр.

Фернанду Энрике Кардозу
1 января 1995 – 1 января 2003

Луис Инасиу Лула да Силва
1 января 2003 – 1 января 2011

Дилма Русеф
1 января 2011 – 31 августа 2016

Мишел Темер
31 августа 2016 – 1 января 2018

Жаир Болсонару
1 января 2018 – н.вр.

Источник: Governo do Brasil, Palácio do Planalto, Galeria de Presidentes.

1. Введение

Бразилия с ее огромными людскими и природными ресурсами, сложной политической историей, огромной ролью на американских континентах имеет все основания считаться одной из сил, определяющих будущее мира. Страна обладает сложной историей от периода колониальной зависимости до формирования нации и элиты и осознания себя как одной из ведущих держав мира[1]. Она прошла через длительную последовательность социально-экономических кризисов и диктатур, так что социально-политическая стабильность является условием для экономического развития и адаптации социальной сферы с целью обеспечения политической стабильности. Хотя страна, в общем, исторически не ставила перед собой каких-либо мессианских или глобальных задач, запрос политической и интеллектуальной элиты на достойное место в мире постепенно сформировался. Создание группы БРИКС также стало катализатором повышения горизонтов, включая совместную с Индией постановку вопроса о членстве в Совете безопасности ООН.

С точки зрения российских перспектив и перспектив мирового развития, Бразилия выступает как естественный партнер, страна, с которой есть некоторый позитивный опыт сотрудничества и практически нет серьезных проблем в прошлом. Сходство двух стран по социальному неравенству, экспортно-сырьевой зависимости и неравномерности регионального развития носит фундаментальный характер. Различия также велики – отсутствие у Бразилии истории социалистического эксперимента, глобальной конфронтации с развитым Западом и меньшая степень развития образования и науки. Но с точки зрения сравнения социально-экономического и институционального развития, «наше всё Плутарх», не колеблясь, выбрал бы наши страны для своего очередного опуса.

Прежде чем приступить к анализу крупных проблем и событий в развитии Бразилии в XXI веке, мы должны решить для себя несколько принципиальных «методологических» проблем. Прежде всего, мы выбираем для рассмотрения период интенсивных институциональных преобразований, который начался с президентства Фернанду Энрике Кардозу (1995–2002 гг.), которое сыграло важную роль в создании

[1] Васильев С.А. Взаимодействие элит и эволюция распределения рент в Бразилии. Общественные науки и современность. 2020. №3. С. 80-93.

условий для последующих, более драматических, событий в XXI веке в стране. Главный вопрос состоит в том, что именно является объектом нашего интереса: социально-экономическое развитие, догоняющее развитие, «ловушка среднего уровня развития» или нечто более фундаментальное, то есть трансформация, причем многосторонняя. Мы полагаем, что фактический опыт Бразилии говорит о последней. Из этого принципиального подхода следует взгляд на прошедшие два десятилетия (почти четверть века) как на попытку трансформации бразильской экономики и общества. Вопрос о «ловушке среднего уровня развития» для нас становится не отдельной макроэкономической задачей, а частью более сложной многосторонней проблемы изменения институтов экономики и общества в процессе завершения (в обозримом будущем) индустриального этапа развития и трансформации страны в устойчивую развитую демократию.

Второй важный исходный пункт состоит в том, что при значительных изменениях в уровне экономического развития меняются и многие социальные параметры общества, и характер гражданского общества. За определенным уровнем развития последнее оказывает влияние на политическую систему страны, включая устойчивость демократии, свободу слова и свободу от коррупции. Таким образом, говоря о «ловушке среднего уровня» развития, мы на самом деле обсуждаем довольно длительный период попыток де-факто более масштабной трансформации социально-экономической системы Бразилии.

И третье соображение заключается в том, что масштабные реформы в экономической сфере, сдвиги в социальной структуре и социально-политические изменения не могут легко идти одновременно, поскольку захватывают разные слои, создают неопределенность для многих групп в части сохранения их положения в обществе, важных распределительных интересов, которые сложились к старту реформ. Многие сдвиги в обществе зависят от жизненного цикла семьи, роста уровня и распространения образования, что также требует времени. Реформы не только идут с разной скоростью, но и не должны разрываться в «треугольнике» экономика – социология – общество. Необходимо иметь хотя бы правовую опору, пока идут резкие социально-экономические преобразования. Например, стабильность общественной жизни и независимая судебная система в конечном итоге помогла успеху в США во

время масштабных реформ при Ф.Д. Рузвельте[2]. Длительная политическая стабильность, разумеется, является условием успешных сдвигов в институтах экономики и социальной структуры, иначе все скатывается к гражданскому конфликту.

[2] Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные, М., Акт, 2015, С. 429–433.

1. Теория «ловушки среднего уровня развития» и Бразилия

Мы полагаем, что наблюдаемый многими экономистами эффект замедления экономического роста в диапазонах ВВП (ППС) на душу населения 10-11 или 14-15 тыс. долл. США – это не просто снижение темпов прироста, а системная проблема изменения распределительных социальных институтов, смена типа экономического роста, предполагающая более высокую эффективность экономики, более интенсивное использование человеческого капитала. Эти вопросы мы рассматривали ранее именно применительно к Бразилии как достаточно важному случаю, чтобы от него идти к определению «ловушки среднего уровня», а не наоборот[3]. Переход на новый уровень развития не может произойти одномоментно и без определенных издержек, перестройки многих параметров в экономике, в частности, повышения социальных требований. Эти стихийные сдвиги или организованные реформы включают, видимо, тенденцию к снижению социального неравенства, изменение роли государства и бюджета, а также изменение структуры инвестиций. Неравномерность, с которой развивающиеся страны выходят со своих традиционных путей развития, неизбежно включает серьезные диспаритеты в развитии.

Термин «ловушка среднего уровня развития» сравнительно новый: он был впервые употреблен авторами Gill и Kharas в докладе Всемирного банка «Восточноазиатский ренессанс: идеи для экономического роста» в 2007 году[4]. Ввиду новизны термина общепринятое определение до конца еще не установилось. Но было затрачено много сил на статистический анализ и попытки выделить не столько институциональные причины замедления роста, сколько параметры такого замедления.

Все подходы к «статистическому» определению данного термина делятся на абсолютные и относительные, однако важно отметить, что в основе определения термина лежат не только разные статистические данные и временные промежутки, но и разные границы, попадая в которые, страна начинает называться среднеразвитой, а значит, может попасть в ловушку среднего уровня развития.

[3] Григорьев Л. М, Павлюшина В.А. Бразилия: в ловушке среднего уровня развития. Мир новой экономики. 2016. №2. С. 28–37.

[4] Glawe L., Wagner H. The Middle-Income Trap: Definitions, Theories and Countries Concerned – a Literature Survey. Comparative Economic Studies 2016, 58. P. 508.

Так, согласно исследованию сторонников абсолютного подхода Felipe et al (2012)[5], страной, попавшей в ловушку, является та страна, которая, однажды достигнув уровня ВВП, соответствующего среднему уровню развития, не смогла за 28 лет (для стран с ВВП на душу населения до 7,3 тыс. межд. долл. (1990 года), так называемые страны низкого среднего уровня развития[6]) или за 14 лет (для стран высокого среднего уровня развития[7]) перейти на следующий уровень. Таким образом, у страны, преодолевшей рубеж в 2 тыс. межд. долл. (1990 года) ВВП на душу населения, есть 42 года, чтобы получить «звание» развитой страны. Для этого стране необходимо иметь темп роста ВВП как минимум в 4,7% в год на этапе низкого среднего уровня развития и 3,5% – на высоком среднем уровне развития. В более поздней работе 2014 года эти же ученые изменили критерии ловушки среднего уровня развития – страна, не попадая в ловушку, может находиться 50 лет на стадии LMIR и 15 лет на стадии UMIR, с темпами роста ВВП 2,37% и 3,27% соответственно[8].

Определение других сторонников абсолютного подхода, Eichengreen et al, несколько сложнее – для постановки диагноза «ловушка среднего уровня развития» необходимо соблюдение трех условий: 1) средний темп роста дохода на душу населения на протяжении 7 лет, предшествующих году t (год, с которого начинается отсчет времени попадания в ловушку) должен составлять не менее 3,5%; 2) в год t+1 темп роста дохода на душу населения должен сократиться не менее, чем на 2 процентных пункта; 3) в год t доход на душу населения должен быть более 10 тыс. межд. долл. (2005 года)[9]. Aiyar et al (2013) разработали еще один метод: для каждой рассматриваемой страны была построена регрессия, с помощью которой выводится ожидаемый темп роста подушевого дохода, а также введен показатель «остаток» (residual), равный разнице между подсчитанным ожидаемым и реальным годовым темпом роста. Согласно данному методу, страна находится в ловушке среднего уровня развития только в том случае, если в год t показатель residual «значительно меньше», чем в год t-1, и остается таковым в год t+1[10].

[5] Цит. по Yusuf S. Middle-income countries: trapped or merely slowing? Asian-Pacific Literature, Cranford School of Public Policy. 2017. P. 21.
[6] Lower Middle Income Range, LMIR (классификация Всемирного банка)
[7] Upper Middle Income Range, UMIR (классификация Всемирного банка)
[8] Цит. по Glawe L., Wagner H. Op. cit. P. 516.
[9] Цит. по Glawe L., Wagner H. Op. cit. P. 516.
[10] Цит. по Glawe L., Wagner H. Op. cit. P. 519.

Приверженцы относительного подхода уверены, что критерием попадания в ловушку можно считать отношение среднедушевого дохода рассматриваемой страны к среднедушевому доходу развитой, богатой страны, за которую, как правило, принимаются США. Robertson и Ye считают, что если это отношение составляет от 8 до 36%, то страна попадает в категорию среднеразвитых[11], а если прогноз ее дохода на душу населения в долгосрочном периоде не отклоняется относительно того же дохода богатой страны (разрыв между ними не сокращается), то страна находится в ловушке среднего уровня развития. Другой сторонник относительного метода, китайский ученый Woo, считает, что если отношение среднедушевого дохода рассматриваемой страны к среднедушевому доходу США находится в пределах 20–50% в течение 50 лет, то страна находится в ловушке [12].

Несмотря на значительную разницу в подходах, большинство абсолютных методов указывают, что попадание в ловушку среднего уровня развития — это результат замедлившегося роста, а большинство относительных — что это результат неудачных попыток догнать более развитые страны (несколько напоминает различие между «наполовину полным и наполовину пустым стаканом»). В зависимости от методологии расчета Бразилия может как относиться к странам, застрявшим в ловушке, например, по критериям группы исследователей из Азиатского банка, так и не относиться, например, по подходу Robertson и Ye.

Мы считаем, что такие численные определения ловушки среднего уровня развития сводятся к формальной констатации факта попадания страны в эту ловушку, но не указывают ни на какие причинно-следственные связи. Недостаточно сказать, что страна застряла в ловушке среднего уровня развития потому, что ее ВВП или доход на душу населения недостаточен: в этом случае делается некорректное заключение, что выходом из ловушки является наращивание ВВП любым путём. В реальности же связь обратная: недостаточность ВВП или дохода на душу населения страны объясняется её попаданием в ловушку среднего уровня развития, из чего следует необходимость искать более глубокие институциональные причины, объясняющие сложившиеся трудности для перехода страны с уровня среднеразвитой на уровень развитой (постиндустриальной). Кроме того, мы полагаем, что проблемы роста, трансформации и реформы имеют

[11] Цит. по Glawe L., Wagner H. Op. cit P. 513.
[12] Цит. по Yusuf S. Op. cit P. 21.

активные фазовые периоды продолжительностью в 10-15 лет, которыми и определяются успех или провал на этом пути. И отставание от США как от лидера – естественная ситуация для Китая или России (СССР), учитывая исторические факторы. Но в целом такой показатель, как отставание от США, по которому сторонники «статистического» относительного похода фиксируют попадание в ловушку, не имеет практического смысла для большинства стран. В общем случае мы бы предложили странам стремиться не столько «догнать США», сколько устойчиво продвигаться вверх по лестнице кластеров, которая была предложена в нашей статье в 2018 году[13].

Среди институциональных причин замедления роста, как правило, называют недальновидность правительств в вопросах рационального распределения рабочей силы между секторами с низкой (например, аграрный сектор) и высокой добавленной стоимостью (сборка и переработка). Зачастую правительство предпочитает стимулировать уже давно известные и более-менее прибыльные сектора, чем инвестировать в новые. Следствием этого является технологическая отсталость страны и неконкурентоспособность её товаров как на мировом, так и на внутреннем рынке. К другим причинам относятся: низкие инвестиции в развитие инфраструктуры; слабая поддержка частного сектора, особенно недостаточная защита прав собственности; недооценка важности выхода страны на мировой рынок; а также сосредоточение экономических, финансовых и образовательных центров в одном-двух городах, что является излишней централизацией для стран с большой территорией (таких, как Бразилия).

В современной научной литературе наметилось два способа решения проблемы чрезмерно формального определения «ловушки среднего уровня развития»: введение нового термина и переопределение уже существующего. Так, в одной из новейших работ бразильских ученых (Bresser-Perreira et al) предлагается концепт «ловушки либерализации» (близкой к нашему подходу 2016 года[14]): либерализация торговли приводит к росту импорта и падению экспорта промышленных товаров, финансовая либерализация – к потере контроля над потоками капитала, что в сумме приводит к деиндустриализации и низким темпам экономического роста[15]. Другой способ,

[13] Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство и проблема стадий развития. Вопросы экономики, №7, 2018, С. 5–29.
[14] Григорьев Л. М, Павлюшина В.А., 2016. Цит. выше.
[15] Bresser-Pereira L. C., Araújo E. C., Peres S. C. An alternative to the middle-income trap. Structural Change and Economic Dynamics. 2020. P. 294–312.

расширение понимания термина «ловушка среднего уровня развития», представлен нашей работой 2016 года[16], в которой приведено описание нескольких наборов ловушек, которые стране необходимо последовательно преодолеть, чтобы выйти из «большой» ловушки. Первый набор ловушек – это диктатура, стагнация и гиперинфляция; второй – недостаточно высокая производительность и низкая конкурентоспособность национальной промышленности, высокий курс валюты, недостаточное образование в бедных регионах страны и неразвитое жилищное строительство; третий – неустойчивость роста в связи с социальными проблемами.

Такое «переопределение» отчасти представлено и в работе В. А. Красильщикова об экономике Бразилии, где рассматривается ловушка среднего уровня дохода с точки зрения социального развития. Автор пришел к выводу, что простое увеличение ВВП (через увеличение потребления, которое происходит от искоренения бедности посредством раздачи пособий, о котором будет рассказано далее) автоматически не переводит страну в ранг развитых ввиду того, что государство не провело комплементарную социальную политику. Во-первых, взрослые, ставшие новым средним классом, обрели покупательскую способность, которую не хотят терять, но при этом не имеют образования и профессий, которые бы соответствовали такой покупательской способности. Во-вторых, для бразильских семей возможность обеспечения детей хорошим образованием хотя бы на уровне средней школы не означает готовность это сделать[17]. Такая модернизация в стране получила название «консервативная по-бразильски». В середине XX века, на пике импортозамещающей индустриализации, только 33% взрослого (от 15 лет и старше) сельского населения Бразилии умели читать и писать[18]. Но рост современных отраслей экономики, создание научно-технических центров и открытие новых университетов сопровождались углублением социально-экономического неравенства в стране и усилением межрегиональных диспаритетов[19].

Оба способа «переопределения» ловушки в целом сводятся к тому, что неспособность страны выйти из ловушки среднего уровня развития обусловлена институциональными проблемами экономики, без решения которых переход страны в группу развитых или в постиндустриальное общество невозможен. Поэтому, говоря, что

[16] Григорьев Л. М, Павлюшина В.А., 2016, Цит. выше.
[17] Красильщиков В.А. В ловушке среднего уровня доходов: опыт социологической интерпретации экономических проблем (на примере Бразилии). Социологические исследования № 11, 2016. С.131.
[18] Там же. С. 126.
[19] Там же.

та или иная страна находится в ловушке среднего уровня развития, необходимо отмечать, согласно какому из подходов сделан такой вывод. По нашему мнению, Бразилия в последние десятилетия находится в процессе поиска выхода из второй ловушки.

Сложность трансформации бразильской экономики мы рассмотрим ниже, а в данном случаем отметим, что уже существуют исследования этого вопроса для Бразилии в рамках традиционной школы. Путь экономического развития Бразилии не был гладким, в нем были сложные периоды вмешательства внешних факторов. В результате экономика Бразилии не смогла выйти на траекторию устойчивого роста в XX веке. Было несколько периодов «догоняющего роста», когда Бразилия сокращала разрыв между собой и лидирующими экономиками, но были и периоды отставания, которые увеличивали этот разрыв. Таким образом, ловушка среднего уровня развития для Бразилии выглядит как чередование периодов догоняющего роста и отставания[20].

На протяжении всего XXI века Бразилия находилась в рамках ловушки среднего уровня развития по одному или другому определению. Но институциональный подход становится все более явным и солидным: «на данный момент диагноз, от которого нужно отталкиваться Бразилии, чтобы запустить процесс догоняющего развития, таков: очень неоднородная экономика, с полярностью между модернизацией и маргинализацией, сформированной такой концентрацией доходов, которая сочетает высокотехнологичные отрасли промышленности с почти хищническим освоением природных ресурсов»[21]. Процесс развития Бразилии в условиях после пандемии и рецессии потребует и модернизации институтов, и адаптации к технологическим и инновационным возможностям. Система социального обеспечения сыграла и будет играть в будущем стратегическое значение для системы распределения доходов в стране. В особенности усилится ее роль как связующего звена между системой здравоохранения и развитием и ростом в целом.

[20] Albuquerque E.M. Brazil and the Middle-Income Trap: Its Historical Roots. Seoul Journal of Economics, 2019. P. 26, 30.
[21] Ibid. P. 54.

2. От бума к «великой бразильской рецессии»

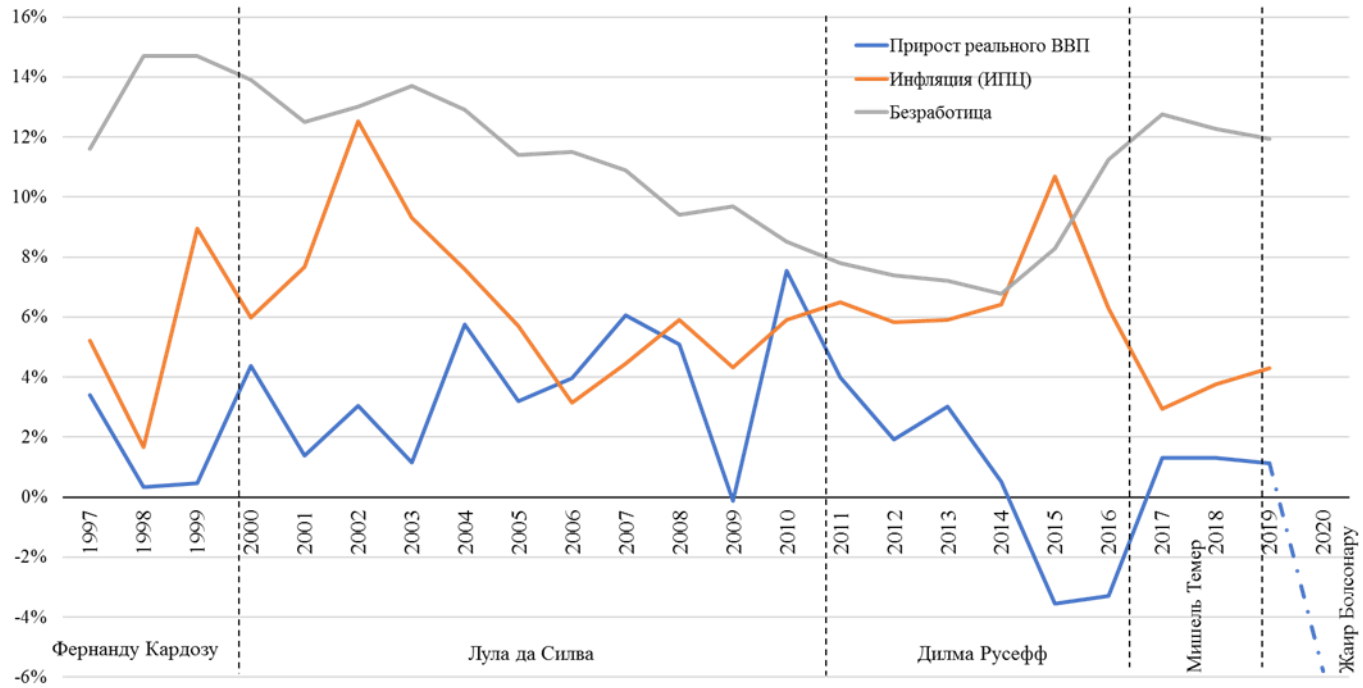

Рисунок 1 – Прирост реального ВВП, инфляция, безработица в Бразилии 1997-2020 гг.

Примечание: 2020 год – прогноз МВФ от октября 2020

Источник: Составлено авторами на основе данных IBGE и МВФ

К рубежу 1980–1990-х гг. треть населения страны жила за чертой бедности, а еще одна треть по своим доходам была ненамного выше этого уровня[22]. В конце 1990-х гг. Бразилия находилась в условиях неустойчивого роста, частых спадов, огромной безработицы и высокой инфляции (Рисунок 1). С учетом архаичной структуры экономики и исторически сложившихся диспаритетов Бразилия была в «ловушке» по всем признакам, включая уровень ВВП на душу населения (ППС) в 11,5 тыс. долларов. Первой реальной структурной экономической реформой в демократической Бразилии можно назвать знаменитый «План Реал» Фернанду Кардозу: кроме обуздания гиперинфляции и смены валюты, «План Реал» отменил дискриминационное правило, согласно которому доступ к банковской системе мог получить только гражданин, зарабатывающий более шести минимальных зарплат, – эта отмена позволила

[22] Jaguaribe H. Brasil, 2000. Para um novo Pacto Social. 3-a ed. Rio de Janeiro: Paz e Terra. 1986. P. 17–21, 41–44; Jaguaribe H. Crise na República: 100 anos depois. Primeiro ou Quarto Mundo? Rio de Janeiro: Thex. 1993. P. 11–13.

большинству «простых» бразильцев пользоваться современными банковскими услугами[23].

Ф. Кардозу стал президентом в 1995 году, а благодаря возможности избрания на второй срок, появившейся в 1997 году, оставался на своем посту до конца 2002 года. И при его президентстве уже было принято около полусотни социальных программ, направленных на снижение бедности.

В эти же годы параллельно событиям в Бразилии разворачивался тяжелый кризис в соседней Аргентине – её важном торговом партнере. Ф. Кардозу девальвировал реал в январе 1999 года в связи с «азиатским» кризисом и девальвациями во многих странах мира, в частности, в России. Аргентина осталась «верна» Currency Board как методу, определяющему денежную политику в стране, и в результате оказалась в самом тяжелом экономическом кризисе за послевоенный период – минус 31% ВВП. Это, безусловно, повлияло на экономическую политику Бразилии в двух аспектах: дало импульс экспорту в Аргентину и снизило тенденции к применению радикальных экономических экспериментов.

Старт современных реформ в Бразилии относят к 2003 году – после демократического избрания Лулы да Силвы (традиционно просто «Лула») президентом Бразилии с редким для страны большинством в 61,3%. Полученный им мандат – для «левого» кандидата – подразумевал серьезные преобразования социально-экономической системы страны в пользу «трудового народа». Напомним, что социальное неравенство в Бразилии (см. следующий параграф) было и остается одним из самых глубоких в мире, уступая лишь ЮАР и еще одной-двум странам Латинской Америки. Нужен был экономический рост и специальные меры для изменения ситуации в стране[24]. Можно сказать, что реформы были существенными и успешными на довольно длительном промежутке времени.

Военная диктатура 1964-85 гг., гиперинфляция, превышающая 2000% в 1990-ых, жизнь 2/3 населения за чертой бедности или рядом с ней до сих пор живы в памяти бразильцев. Как позже отмечал сам Ф. Кардозу, «Лула пришел к власти в условиях благоприятной конъюнктуры», а достаточная эффективность государственных

[23] Красильщиков В.А. Бразилия: от успехов-к системному кризису. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №. 4. С. 116

[24] Анализ показывает, что рост сам по себе не приводит, за малым исключением, к сокращению социального неравенства — см. Григорьев Л. М. и Павлюшина В. А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000–16 гг. Вопросы экономики, №10, 2018. С. 29–52.

институтов в то время позволили ему существенно ускорить реализацию уже существовавших программ[25]. Ф. Кардозу создал предпосылки для преодоления первой ловушки, то есть политической – выход к демократии; и он сумел институциональными методами выйти из порочного круга высокой инфляции. Без этого программа президента Лулы да Силвы, возможно, не имела бы шансов даже на старт.

Оставляя в стороне большую часть истории экономических колебаний в бразильской экономике за 2003-16 гг., мы должны ответить на четыре ключевых вопроса по развитию экономики Бразилии за этот период. Первый состоит в том, каким образом из этого сложнейшего состояния конца 1990-х гг. стране удалось выйти в подъем на целых десять – одиннадцать лет. Соответственно, второй вопрос состоит в том, в какой степени и какие применявшиеся тогда методы или реформы помогли достичь позитивных сдвигов в фундаментальных проблемах страны, таких, как уровень развития, бедность, неравенство, неустойчивость роста. Третий критический вопрос – «что пошло не так», и почему за этим подъемом последовала «бразильская великая депрессия» 2015-16 гг. (с нелегким продолжением), крах ожиданий, доверия, импичмент, доставшийся одному президенту, и тюремный срок – другому. Ну и, наконец, четвертый вопрос – можно ли использовать тот же метод с большим успехом, но не повторяя ошибок, сделанных в Бразилии.

Принципиально важно то, что в XXI веке, после долгой истории борьбы левых движений и диктатур в Латинской Америке, при постоянном политическом «присутствии» Большого Брата – США – новый президент был, на наш взгляд, очень осторожен в продвижении левых идей. Его приход к власти не был попыткой социальной революции в демократических перчатках. Он не ставил вопрос о перераспределении собственности или о радикальном изменении положения беднейших слоев населения на северо-востоке страны (региональный срез) или в фавелах (социальный городской срез), как сейчас левые выступают в США в рамках лево-демократических тенденций. Напротив, Лула да Силва пытался расширить социально-политическую поддержку своей, в общем умеренной, программы в политический центр и правее центра для ухода от старой модели жизни, от которой так устало бразильское общество.

[25] Кардозу Ф. Э. Чтобы быть стабильной, демократия должна быть эффективной в сокращении массовой бедности и социального неравенства. Свободная мысль. 2010. №. 1. С.30.

В ходе дебатов президент обратился с посланием к народу страны, в котором обозначил свое отношение к реформам, которое мы можем охарактеризовать как оптимистическое, умеренное и комплексное (экономическое, социальное и политическое): «Бразилия хочет меняться. Меняться, чтобы стать мирным, развитым и открытым для нового государством. Меняться, чтобы завоевать экономическое развитие, которого у нас нет сегодня, и социальную справедливость, к которой мы так стремимся. Есть в нашей стране огромное желание народа закончить текущий цикл экономического и политического развития. Во всех классах и во всех регионах преобладает чувство, что нынешняя модель исчерпала себя. Поэтому страна не может настаивать на этом пути из-за страха остаться в хронической стагнации или даже рано или поздно пострадать от экономического, социального и нравственного краха. Наиболее важным, однако, является то, что несмотря на осознание провала текущей модели, страна продолжает сохранять оптимистичный настрой и не поддаётся унынию и печали, которые могли бы привести к разрушительному протесту»[26].

Лула да Силва занял пост президента 1 января 2003 года и, учитывая свое положение «левого» в стране, которая долго была под контролем традиционных (условно «правых») сил, пост главы Центрального банка отдал Энрики Мейрелису, представителю консерваторов, а министром финансов назначил Антонью Палоси, представителя «левого» движения, но компетентного финансиста. Тем самым он сумел избежать негативной спекулятивной реакции финансовых рынков на основании подозрений относительно нового правительства. В этом смысле он вел себя достаточно осторожно, имея такие экономические показатели, как ВВП в 11,5 тысяч долларов (ППС) на душу населения, и уровень безработицы и инфляции в 2002 году (в скобках в 2003 году), соответственно, в 13% (13,7%) и 8,5% (14,7%). Так что стартовый год нового президента был нелегким, причем отношение государственных расходов к ВВП (см. Таблицу 1) даже сократилось.

. По ортодоксальной логике рыночных реформ, проводимых Бреттон-Вудскими институтами, требовались структурные реформы, которые могли бы сделать дальнейшее развитие более стабильным, а кризис (в дальнейшем) менее острым. Считается, что отсутствие консенсуса между элитами по поводу экономического

[26] da Silva L Carta ao Povo Brasileiro (Лула да Силва «Письмо народу Бразилии» — перевод авторов статьи). Folha de Sao Paulo, 22 junho 2002. URL https://www1.folha.uol.com.br/folha/brasil/ult96u33908.shtml

развития в то время не позволяло идти в этом направлении. Партии Трудящихся политически было очень трудно проводить довольно непопулярные пенсионные и налоговые реформы и осуществлять экономическое дерегулирование в самом начале своей новой роли (как Президентской партии), не имея собственного контроля в парламенте. Эти реформы были проведены в конце второго десятилетия этого столетия в гораздо более сложных экономических условиях под давлением бюджетного и долгового кризиса, а затем – в условиях пандемии и лавины рецессии.

В дальнейшем экономический рост продолжался с 2004 по 2014 гг., прервавшись сильным, но коротким кризисом 2009 года. Бразилия тогда представляла собой «страну будущего», которой удалось достичь статуса устойчивой демократии и чей имидж и позиции на международном уровне постоянно укреплялись[27]. И к концу этого периода, к выборам 2014 года, можно было констатировать определенный макроэкономический успех – выход с 11,5 тыс. на 15,6 тыс. долларов (ППС) ВВП на душу населения, значительные сдвиги в социальной структуре общества, укрепление курса реала к доллару с 3,1 до 1,7. Правда, последнее в значительной степени стало результатом развития собственной добычи нефти, а по результатам – препятствием росту внутреннего промышленного производства. При сильном реале страна резко увеличила личное потребление с помощью товарного импорта на фоне стагнации национальной промышленности. Ответ на первый поставленный вопрос в общем вполне известен – бум бразильской экономики президента Лулы фактически был построен на двух главных движущих силах: экспорте и личном потреблении[28]. Внешние условия для роста Бразилии в начале 2000-х гг. были наилучшими за большой период времени до и после. Прежде всего, это был общий мировой подъем: в 2003-08 гг. мировой ВВП рос в среднем на 4,7%. Рост цен на экспортные товары Бразилии (и России) в эти годы дал приток финансовых ресурсов, который даже кризис 2008-09 гг. нарушил лишь ненадолго (Рисунок 2). Можно сказать, что фактически мировая экономика частично профинансировала реформы в Бразилии в 2003-14 гг. Эта уникальная ситуация, которой воспользовались далеко не все страны, но Бразилия в целом смогла многое почерпнуть из внешней среды.

[27] Давыдов В.М. Бразилия – страна будущего в настоящем. Международная жизнь. 2012. № 12. С. 51–59.
[28] Григорьев Л. М, Павлюшина В.А. 2016. Цит. выше. С. 31.

Рисунок 2 – Индексы цены на экспортные биржевые товары 2003-20 гг., первый квартал 2003=100, квартальные данные

Источник: расчёты авторов на основе данных МВФ

Президент Лула и Партия трудящихся (ПТ), для которых решение социальных проблем стало основой политики, использовали период роста для значительного увеличения личного потребления населения. Личное потребление было поддержано не только общим подъемом производства и экспорта, но и специальными мерами нового правительства. Общий смысл метода состоял в длительном и значительном повышении минимальной заработной платы, которая в какой-то степени не только оказалась методом борьбы с бедностью, но и стала превращаться в некий способ перевода части занятых из нижних слоев в нижний слой среднего класса. По расчетам бразильских экономистов в январе 2016 года (в ценах этого месяца) минимальная реальная зарплата достигла 900 реалов (более 250 долларов США по текущему курсу) против примерно 500 реалов (160 долларов) в 2003 году[29]. Снижение коэффициента Джини за эти годы те же экономисты оценивают с 0,59 до 0,52, что само по себе является хорошим результатом. Официально доля бедности сократилась с 38% до 16%, что было бы достаточно для любого политического деятеля в любой стране, чтобы войти в историю.

[29] Brito A., Foguel M., Kerstenetzky C. The contribution of minimum wage valorization policy to the decline in household income inequality in Brazil: A decomposition approach, Journal of Post Keynesian Economics, 2017.

Впервые за историю Бразилии экономический рост сопровождался снижением неравенства, а 40 миллионов бразильцев выбрались из нищеты. За 8 лет президентства Лулы да Силвы рост заработных плат и различных пособий, а также доступность кредита привели к повышению покупательской способности населения, которое смогло себе позволить импортные товары. В целом данная политика послужила основой не слишком обоснованного представления у масс, что такие благоприятные для них экономические условия будут не только существовать всегда, но и будут становиться ещё более благоприятными в дальнейшем.

Увеличение доходов дало значительный рост спроса на потребительские товары, хотя рост доходов с такой скоростью не мог быть обеспечен увеличением конкурентоспособности национальной промышленности (Рисунок 3). Фактически при столь высоких темпах роста удалось снизить относительный размер государственного долга, укрепить курс реала, сократить и безработицу, и дефицит бюджета. Выросли и инвестиции с уровня 15–16% ВВП при Ф. Кардозу до средней величины в 18,8% за 2004-13 гг., что также является очень хорошим результатом. Отметим также огромную роль Бразильского банка развития, который обеспечивал финансирование инвестиций и проведение «мягкой» промышленной политики. Так что макроэкономическое чудо шло вместе с чудом социальным.

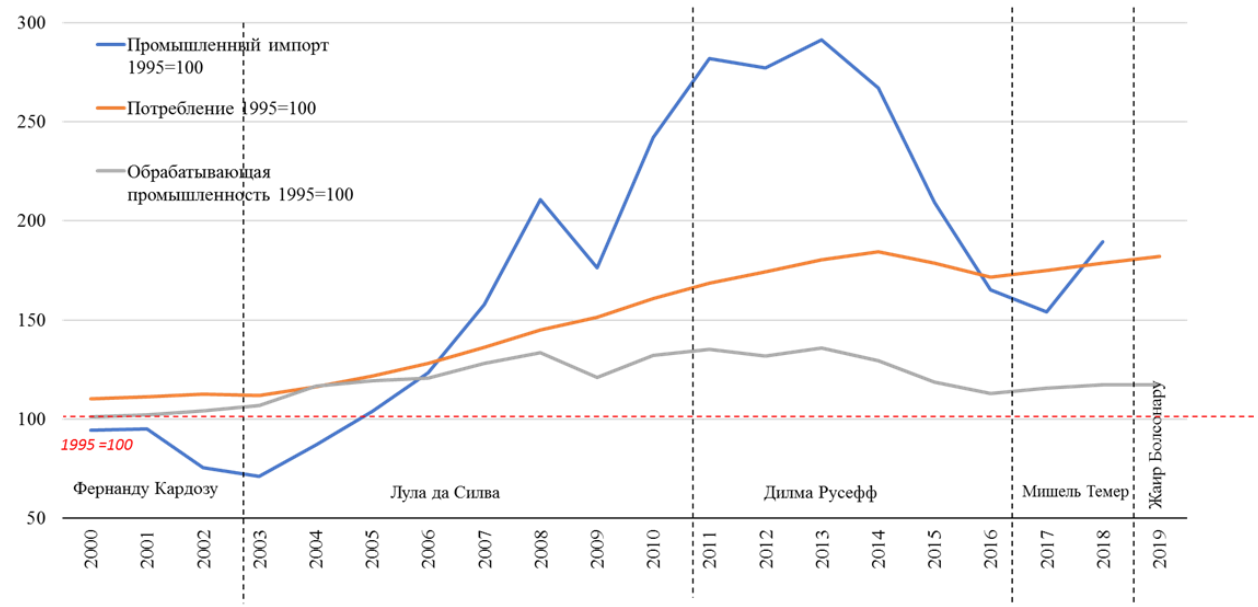

Рисунок 3 – Индексы потребления, импорта промышленных товаров и промышленного производства, 2000–19, 1995=100

Источник: расчёты авторов на основе данных IBGE и UN Comtrade

Падение цен на экспортные биржевые товары Бразилии в течение всего 2014 года (цены в первом квартале 2015 года были более чем на 30% ниже, чем в первом квартале 2014 года) создало тяжелый внешний шок. Темпы прироста реального ВВП и потребления домохозяйств стали отрицательными: в 2014 году прирост реального ВВП еще составлял 0,5%, а в 2015 – уже минус 3,6%, потребления домохозяйств – +2% и −3% соответственно. Уровень безработицы также стал расти: с 6,8% в 2014 году до 8,3% в 2015, а своего пика в 12,8% достиг в 2017 году. Уже в 2014 году дефицит бюджета был еще «только» 6% ВВП, а в 2015-16 году – 10,3 и 9% соответственно. Реал упал с 2,2 к доллару в 2013 году до 3,5 в 2016 году. Кризис при тяжелом дефиците перевел центр экономической политики в режим «макростабилизации». Политика жесткой экономии заключалась в сокращении расходов на 17 млрд. реалов за счёт комплекса из мер скорее символических – сокращения жалования президента на 10% и необратимого сокращения количества федеральных министров с 39 до 29; и серьезных – урезания расходов на программы предоставления дешевого жилья и здравоохранения, отмены субсидий для химической промышленности и некоторых льгот для экспортеров, замораживании расходов на зарплаты государственным служащим. Такие меры только усилили протестные настроения в обществе.

Кроме осложнения макроэкономической обстановки, уже в 2013 году начались социальные потрясения. Первыми пошли массовые протесты против расходования средств на подготовку Олимпиады-2016 вместо трат на социальные нужды. В 2014 году Дилме Русеф удалось избраться на второй срок с результатом в 51,64% голосов, что у некоторой части общества вызывало подозрения в подтасовке результатов и, соответственно, нелегитимности выборов. Против нее выступила пресса, и в течение второго срока рейтинг одобрения президента неуклонно падал. Для президента-популиста крайне сложно сочетать стимулирование развития со снижением финансовых дисбалансов, поэтому она была вынуждена пойти на радикальные изменения в своей политике.

Также в 2014 году практически одновременно с драматическим проигрышем домашнего чемпионата мира по футболу начался коррупционный кризис из-за вскрывшихся коррупционных схем, связанных с контролируемой государством нефтяной компанией Petrobras и последовавшие за ним судебные разбирательства против высокопоставленных чиновников, в том числе и бывшего и действовавшего

президента. Кроме того, Дилма Русеф обвинялась в подтасовках на выборах того года. Это привело к резкому ослаблению способности правительства к принятию своевременных и адекватных экономической обстановке решений. Практически любая контрциклическая, но непопулярная мера могла вызвать новые протесты. Прежняя макроэкономическая и бюджетная политика Партии трудящихся характеризовалась наращиванием расходов и долгов и попытками продолжать социальные программы с поворотом на массовое строительство жилья. Но при ухудшении внешних параметров экономики это было очень рискованно. У правительства уже не было времени, благоприятной среды и единства общества вокруг социальной программы. Процесс экономического роста, сокращения бедности, укрепления позиций среднего класса не мог решить все социальные проблемы в Бразилии, а часть среднего класса приобрела новые интересы. Рост мировой экономики и цен на экспортные товары уже не шел такими темпами, и правительство все сильнее и сильнее зависело от инвесторов. По мере расширения использования иностранного капитала, особенно во время падения цен экспортные товары (в 2009 году и начиная с 2014 года), страна все больше зависела от оценки рисков внешними инвесторами и, тем самым, от стоимости обслуживания внешних займов. Правительство в этих условиях было все больше вынуждено учитывать правила игры на финансовых рынках.

Логика развития страны предполагала повышение эффективности производства и конкурентоспособности промышленности и расширение физической инфраструктуры. После формирования среднего класса и бума потребительских расходов необходимо было развитие физической инфраструктуры и человеческого капитала. Но это требовало бы еще одного такого скачка в росте экономики, повышении качества человеческого капитала и сокращении социального и регионального неравенства. А это требовало новой, более широкой коалиции, а шансов на нее, как мы теперь понимаем, было немного.

Объединение вокруг Лулы стало не только активным способом управления буржуазным государством, но и ключевым фактором привлечения инвестиций в страну. Обеспокоенные прибыльностью фондов, которыми они теперь управляли, бюрократы-союзники Лулы, занимавшие различные должности в правительстве, ассоциировали себя с финансовым капиталом. Иными словами, будучи привилегированным социальным классом, они были связаны своими интересами с интересами финансового

капитала. Таким образом, как считают некоторые аналитики, ранее активная Партия труда, связанная с забастовками и социальными движениями в 1980-х и начале 1990-х гг., дистанцировалась от своих истоков, была оттеснена (по мнению исследователей левого направления) от главной роли и стала менее важным политическим игроком[30].

Дилме Русеф удалось доказать свою непричастность к делу Petrobras несмотря на то, что она входила в совет директоров компании. Тем не менее, в 2016 году ей всё равно был объявлен импичмент по обвинению в махинациях с государственным бюджетом и других коррупционных действиях, однако она не была лишена права занимать государственные должности. В результате импичмента власть автоматически перешла к вице-президенту Мишелу Темеру. Новый президент был ещё менее популярен у населения, его рейтинг одобрения упал до 3%, что является мировым рекордом[31]. При правительстве М. Темера был введен «потолок расходов», то есть государственные расходы в реальном выражении заморожены (за исключением индексации на инфляцию) на 20 лет[32]. Эти меры были абсолютно непопулярны у населения, тем более, что вводились они из соображений финансовой стабилизации, однако не создавали поддержку спроса для выхода из рецессии. Он также ослабил власть профсоюзов, что в совокупности было возможным ввиду того, что на тот момент М. Темер не намеревался участвовать в выборах 2018 года и не испытывал необходимости поддерживать свой политический имидж (в дальнейшем он также оказался под расследованием в связи с участием в коррупционных схемах). Некоторое оживление экономики в 2017 году М. Темер считал своей заслугой[33].

Быстрый распад макрофинансовой устойчивости страны и потеря президентами-популистами опоры в электорате (в частности, центристском и даже левом) стали результатом сложного, отчасти случайного сочетания трех групп факторов. На фоне политической нестабильности экономический фон ухудшался, а ожидания граждан росли. Можно спорить о том, что было важнее в негативном развитии финансового кризиса – сокращение цен на товары экспорта или чрезмерные расходы. Для страны с

[30] Antunes R., Santana M.A., and Praun L. Chronicle of a Defeat Foretold. The PT Administrations from Compromise to the Coup. Latin American Perspectives. Issue XXX, Vol. XX No. XXX, Month 201X, 1–20. P. 9.
[31] Sergio Lima M., Preissler Iglesias S. Temer is Brazil's Most Unpopular Leader Ever, Poll Says. Bloomberg, 28 September 2017. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-09-28/most-unpopular-leader-ever-in-brazil-is-temer-poll-shows
[32] В 2020 году в связи с пандемией коронавируса действие данного правила было приостановлено на год
[33] Andreoni M. Michel Temer Brazil's Deeply Unpopular President, Signals Run for a New Term. The New York Times, 24 March 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/03/24/world/americas/brazil-michel-temer.html

высоким неравенством и выросшими (благодаря десятилетию успехов) запросами электората было очень трудно затормозить потребительскую экспансию или перейти к политике повышения конкурентоспособности собственной промышленности в общелиберальной обстановке того времени и в условиях зависимости от рынков капиталов. Таким образом, можно говорить о социально-политической ловушке: либо уход от власти, либо уход от своей политики. Так что ответ на третий вопрос – что пошло не так – намного сложнее, чем, кажется на первый взгляд. Ортодоксальные (или правые в политическом смысле) оценки того периода делают упор на неудачной бюджетной политике. Популисты делают упор на отходе от политики в интересах трудовых масс, компромиссах с традиционным истеблишментом и потере социальной опоры. Фаталисты, видимо, должны указать на то, что стабильно высокие (тем более растущие) экспортные цены не могли быть вечными. Ортодоксальный взгляд бразильского экономиста Д. Коэлью дает жесткую оценку произошедшему: «Великая рецессия в Бразилии была мешаниной из низкой производительности, слабых налоговых сборов в сочетании с растущими государственными расходами и политического кризиса, который уничтожил ожидания и уверенность»[34]. Но социально-политические факторы, видимо, сыграливажную роль на фоне внешнего ценового шока и внутреннего бюджетного кризиса, сместив с политической арены сразу двух президентов, вернув власть в традиционные круги и остановив социальные эксперименты.

Соответственно, ответ на четвертый вопрос – о возможности повторения успеха Лулы в другой стране – еще проще. Во-первых, надо выбрать период примерно в десять лет с благоприятным внешним климатом. Во-вторых, не повторять ошибок с чрезмерной зависимостью от иностранного портфельного капитала. В-третьих, найти способ поднять конкурентоспособность собственного производства. В-четвертых, постоянно пошагово менять распределительные пропорции, сдвигая выигрыши от экономического роста от наиболее обеспеченных слоев (но не слишком резко и драматично) к менее обеспеченным слоям. И, в-пятых, обеспечивать политическую устойчивость, преемственность политики, меняя ее пошагово по мере успеха (а не провала). Остаются еще геополитические факторы: в Латинской Америке левым правительствам традиционно сложно работать. У Ф.Д. Рузвельта при всей его популистской риторике не было хотя бы этой проблемы.

[34] Coelho D.R. Brazil’s economic reform roads. Business Economics. 2020.

Таблица 1 – Основные макроэкономические показатели Бразилии в 2000-21 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Население, млн. чел.	173,8	176,2	178,5	180,7	182,9	185,0	187,1	189,0	191,0	193,0	194,9	196,6	198,3	200,0	201,7	203,5	205,2	206,8	208,5	210,1	211,4 *	212,8 *
ВВП реальный, % к пред. году	4,4	1,4	3,1	1,1	5,8	3,2	4,0	6,1	5,1	-0,1	7,5	4,0	1,9	3,0	0,5	-3,5	-3,3	1,3	1,8	1,4	-4,1	3,7*
ВВП номинальный, трлн. долл.	0,66	0,56	0,51	0,56	0,67	0,89	1,11	1,40	1,70	1,67	2,21	2,61	2,46	2,47	2,46	1,80	1,80	2,06	1,92	1,88	1,43	1,49*
ВВП на душу населения по ППС, тыс. межд. долл. (2011)	11,7	11,7	11,9	11,9	12,4	12,6	13,0	13,6	14,2	14,0	14,9	15,4	15,6	15,9	15,8	15,1	14,5	14,6	14,7	14,8	14,1*	14,6*
Экспорт, млрд. долл. США	55,0	58,1	60,3	73,0	96,3	118,7	137,7	160,5	197,8	152,9	201,8	255,9	242,3	242,0	225,0	191,0	185,2	217,7	239,3	225,4	209,9	
Импорт, млрд. долл. США	55,9	55,4	47,1	48,3	62,7	73,5	91,2	120,5	173,1	127,8	181,8	226,2	223,4	239,7	229,1	171,5	137,6	150,7	181,2	177,4	158,9	
Расходы госбюджета, млрд. реалов	34,5	36,2	38,9	41,0	38,2	39,8	39,2	37,6	37,4	37,1	39,9	37,6	37,2	37,4	38,5	38,5	39,6	38,3	37,7	37,3	42,7	36,9*
Сальдо госбюджета, % ВВП	-3,3	-3,2	-4,4	-5,2	-2,9	-3,5	-3,6	-2,7	-1,5	-3,2	-3,8	-2,5	-2,5	-3,0	-6,0	-10,3	-9,0	-7,9	-7,1	-5,9	-13,4	-8,3*
Госдолг, % ВВП	65,6	70,1	78,8	73,8	70,1	68,6	65,8	64,1	62,3	65,5	63,0	61,2	62,2	60,2	62,3	72,6	78,3	83,6	85,6	87,7	98,9	98,4*
Счет текущих операций, % ВВП	-3,8	-4,2	-1,6	0,7	1,7	1,5	1,2	0,0	-1,8	-1,6	-3,6	-2,9	-3,4	-3,2	-4,1	-3,0	-1,3	-0,7	-2,2	-2,7	-0,9	-0,6*
Курс реала к доллару США	1,8	2,3	2,9	3,1	2,9	2,4	2,2	1,9	1,8	2,0	1,8	1,7	2,0	2,2	2,4	3,3	3,5	3,2	3,7	3,9	5,2	
Безработица, % рабочей силы	13,9	12,5	13,0	13,7	12,9	11,4	11,5	10,9	9,4	9,7	8,5	7,8	7,4	7,2	6,8	8,3	11,3	12,8	12,3	11,9	13,2	14,5*
Норма накопления, % ВВП	15,1	14,5	15,9	17,5	19,6	18,7	19,0	19,8	19,8	17,2	18,2	18,9	18,0	18,5	16,4	14,4	13,6	13,9	12,9	12,7	14,5	14,8*
Среднегодовая инфляция, %	7,0	6,8	8,5	14,7	6,6	6,9	4,2	3,6	5,7	4,9	5,0	6,6	5,4	6,2	6,3	9,0	8,7	3,4	3,7	3,7	3,2	4,6*

*Источник: составлено авторами на основе данных МВФ * Предварительные оценки.*

3. Что изменил Лула да Силва в социальной структуре страны

Социальные реформы в Бразилии при популистских («левых») президентах достигли серьезных успехов, о чем в целом известно. Критики бразильских левых президентов редко возвращаются к тем громадным сдвигам в бразильском обществе, которые произошли в 2003-14 гг. Если бы благоприятная внешнеторговая конъюнктура тех лет просто обогатила верхние слои традиционного бразильского общества, то это бы повысило коэффициент Джини. Так, вероятно, и произошло бы, если бы не выдающийся президент, а ныне заключенный Лула да Силва.

Д. Коэлью, ортодоксальный макроэкономист, справедливо отмечает в своем анализе реформ, что легче проводить реформы в «сплоченных обществах», более способных приходить к социальному консенсусу. Сплоченные общества – это те, в которых неравенство по доходам невелико, а уровень доверия высок. В целом это общества, в которых люди имеют одинаковый уровень жизни и не боятся насилия и угроз своим правам[35]. Он, безусловно, прав, но если бы реформы проводились в более социально однородных обществах, открытых и законопослушных, со здравомыслящими элитами и терпеливыми бедняками, то цели устойчивого развития ООН для современного мира могли бы быть достигнуты гораздо легче.

В предыдущем параграфе мы рассмотрели в основном макроэкономические аспекты бразильских реформ предыдущих двадцати лет. Теперь необходимо взглянуть на них глазами населения. Отметим, что по динамике индексов, основанных на опросах, видно, что мировой кризис 2009 года психологически прошел для населения Бразилии не столь остро: удовлетворенность жизнью даже продолжала расти, а страх безработицы – падать (Рисунок 4). Однако в 2014 году страх безработицы увеличился и продолжал расти до 2017 года. Значение индекса в 2015-18 гг. значительно превысило предыдущий пик в 2003 году, в то время как фактическая безработица (Рисунок 1) в кризисный период так и не превысила значения за 2003 год, из чего можно сделать вывод, что этот новый кризис после многих лет относительной стабильности был крайне «стрессовым» для населения. Потеря работы в ходе кризиса, особенно на длительное время, отбрасывает семьи назад, снижает их социальный статус. Пандемия вызвала новые проблемы, с учетом развернувшейся рецессии и выросшей безработицы в 2020 году

[35] Coelho D.R. Op. cit.

можно говорить о том, что бразильское общество снова оказалось под стрессом. Практически с 2015 года шел либо кризис и импичменты, либо не слишком энергичное оживление, выборы и угрозы импичментов. А теперь население стоит перед угрозой существенного шага назад в области благосостояния.

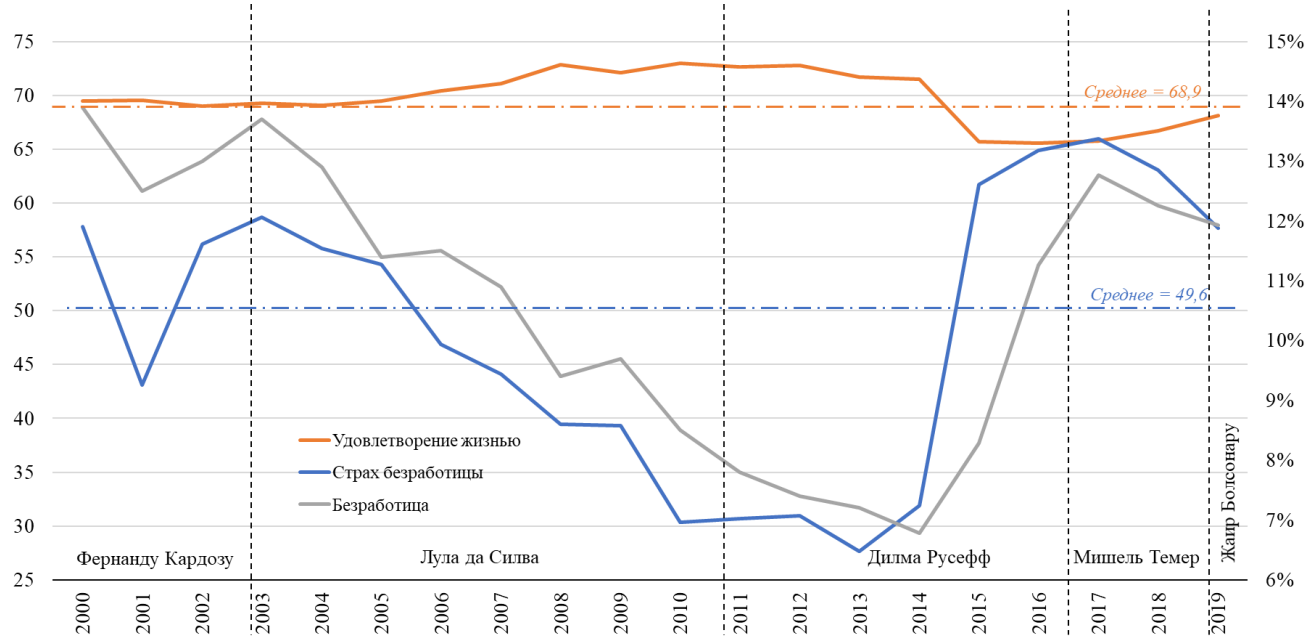

Рисунок 4 – Индексы удовлетворенности жизнью и страха безработицы (среднее значение на основе опросов указано за 1996–2019 гг.; левая ось) и фактическая безработица (правая ось)

Источник: вычисления авторов на основе CNI и IBGE

Бразильская статистика создавала определенные собственные инструменты анализа неравенства в стране. Определение границ среднего класса, преимущественно использующееся в Бразилии (Таблица 2) и основанное исключительно на материальном благосостоянии, приводит к тому, что к среднему классу относятся те люди, чей доход на душу в домохозяйстве больше, чем у одних (бедных), но меньше, чем у других (богатых). В реалиях Бразилии до президентства Лулы «бедными» считались те 40 миллионов человек, которые фактически были неимущими. Выходит, что в этот «новый средний класс» вошли частично те слои, которым благодаря социально-экономической политике Лулы стали доступны рынки товаров и услуг. Классические для традиционного среднего класса медицинские страховки и частные школы не доступны

для класса С в Бразилии, а доступны только классам А и В[36], суммарная доля которых в 2018 году составляла лишь 14,4%. Более того, представители традиционного среднего класса имеют хорошее образование и работу, связанную с интеллектуальным трудом, креативностью, консалтингом[37], в то время как в Бразилии доступ к качественному высшему образованию является проблемой, а треть рабочей силы способна только на неквалифицированный труд[38]. Тем не менее, бразильцы, отнесенные к классу С, достаточно активны политически, что присуще традиционному среднему классу, однако внутри класса С они разобщены.

Таблица 2 – Доля социальных классов от всего населения Бразилии

Класс	**Границы месячного дохода на душу, реалов (2018)**	**2003**	**2014**	**2017**	**2018**
AB	От 8159,37	8,5%	15,5%	13,6%	14,4%
C	1892,65-8159,37	37,5%	57,5%	56,3%	55,3%
DE	До 1892,65	54,0%	27,0%	30,1%	30,3%

Источник: составлено авторами на основе расчётов FGV Social по данным IBGE[39]

Таблица 2 показывает, как резко сдвинулись социальные слои за рассматриваемый период. Основной сдвиг относится, естественно, к 2003-14 годам, трем срокам левых президентов при хорошей внешней конъюнктуре и до импичментов. Напомним, что минимальная заработная плата в начале 2016 года достигла 900 реалов. Это означает, что минимальная заработная плата достигает половины критерия – границы между классами С и DE, но одной девятой нижней границы у класса АВ. Высший и высший средний классы выросли за эти годы почти вдвое (с 8,5% до 15,5%), но потом потеряли почти по два пункта. Заметим, что эта группа АВ по своей доле очень близка к высшей группе в России. Более важным, однако, является резкое сокращение доли класса DE – вдвое, до 27%. Даже ее некоторый рост (до 30,3%) не умаляет важности вывода из

[36] Singer A. Quatro notas sobre as classes sociais nos dez anos do lulismo. Psicologia USP. 2015. №. 1. P. 12.
[37] Салмина А.А., Григорьев Л.М. Социальная структура стран мира. В кн.: Мировая экономика в начале XXI века. Учебное пособие. Под общ. ред.: Л. М. Григорьев. М.: Директмедиа Паблишинг, 2013. С. 464.
[38] Красильщиков В.А. 2016. Цит. выше. С. 129.
[39] Villas Bôas B. Classes A e B voltam a crescer e atingem 14,4% da população. Valor, 29 Outubro 2019. URL: https://valor.globo.com/brasil/noticia/2019/10/29/classes-a-e-b-voltam-a-crescer-e-atingem-144-da-populacao.ghtml

бедности огромной массы людей. Как мы уже показывали выше, критическую роль в этой перестройке общества сыграла минимальная заработная плата. Более всего эффект был заметен в борьбе с бедностью: «В период с 2002 по 2013 гг. минимальная заработная плата способствовала сокращению доли бедных на 38,2%, снижению интенсивности бедности на 39,4% и снижению остроты бедности на 40,6%. Результаты также показывают географические различия: минимальная заработная плата более важна в беднейших регионах»[40]. Среди важных социальных программ, принятых еще при Ф, Кардозу, необходимо отметить «Школьный кошелек» (Bolsa Escola), которая при Луле да Силве была преобразована в «Семейный кошелек» (Bolsa Familia), и «Свет для всех» (Luz para Todos)[41].

«В период 2003-13 гг. уровень неформальной занятости среди экономически активного населения на бразильском рынке труда снизился с 58% до 46%. Это не только следствие внутренней экономической динамики, но и более эффективного надзора со стороны министерства труда. Важно отметить, что некоторые характеристики бразильского рынка труда не изменились: преобладание низкооплачиваемых рабочих мест, высокая текучесть кадров, гендерное неравенство и т. д. Кроме того, несмотря на снижение, важно отметить, что уровень неформальной занятости по-прежнему чрезвычайно высок. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что создание рабочих мест (особенно формальных) в этот период было важным достижением»[42]. Важно отметить, что процесс распределения доходов, повышения заработной платы и экономического роста порождает «добродетельный круг», который также включает создание рабочих мест[43].

Для всех стран БРИКС характерно несоответствие доходов, богатства и уровня жизни между ведущими городами и бедной провинцией, а также сочетание современных университетов и относительно низкого образования значительных масс населения (в последнем случае исключение – Россия). Реформы XXI века в Бразилии ставили задачу развития среднего класса и роста потребления с целью расширения внутреннего рынка и достижения социальной устойчивости. Но на каждом большом

[40] Brito A.S, Kerstenetzky C.L. Has the minimum wage policy been important for reducing poverty in Brazil? A decomposition analysis for the period from 2002 to 2013. EconomiA. 2019. №20. P. 27–43.
[41] Красильщиков В.А. 2017. Цит. выше. С. 120.
[42] De Conti B., Van Noije P., Welle A. Brazilian Economy: From Euphoria to Crisis (2003-2019). in: To Democratize or Not? Trials and Tribulations in the Postcolonial World. Ed. by V. Ipek, E.Akarçay. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 193–231.
[43] Ibid.

этапе в обществе обычно повышаются и требования, и ожидания. Говоря об этом, необходимо учесть то, что доходы в стране резко отличаются не только от класса к классу, но и от региона к региону. Например, средний доход на душу населения в Северо-восточном регионе составляет менее половины аналогичного показателя для всей страны, в то время как в Юго-западном регионе доходы населения более чем на 30 % выше, чем средние по стране.

По данным Таблицы 3 видно, что фактически страна разделилась на две части: на два северных региона, в которых доля самых низших классов составляет около 45%, и на остальные регионы с более равномерной социальной структурой. В северных регионах тенденция неоднозначна, но скорее свидетельствует об обеднении населения. В Юго-восточном регионе наблюдаются также неоднозначные изменения в объемах доходов высших слоев, однако заметно сильное увеличение доли низших слоев, а значит, и социального неравенства в регионе. С учетом того, что это самый населенный регион Бразилии, становится очевиден масштаб проблемы и необходимость её срочного решения. Центрально-западный регион показывает практически однозначно положительную динамику: представителей низших слоев становится меньше, а высших – больше. Составители данной классификации не дают слоям названия, поэтому для грубой оценки объемов среднего класса в регионах возьмем буквально находящиеся посередине слои B2 и C1. Наибольшая их суммарная доля стабильно достигается в Южном регионе — что объясняется стабильно самым высоким медианным доходом на душу населения в стране.

Таблица 3 – Региональные характеристики, ВВП на душу населения, доли в населении страны; коэффициент Джини по средним доходам домохозяйств в расчете на 1 человека*

Регион	Год	Номинальный ВВП на душу, тыс. реалов	Доля населения, %	Коэффициент Джини	Доля социального класса, %**					
					A	B1	B2	C1	C2	DE
Северный	2012	15,7	8	0,544	1,5	2,5	11,2	14,4	28,2	42,1
	2019	20,9	9	0,537	1,3	2,8	8,6	13,8	26,7	46,8
Северо-восточный	2012	11,9	28	0,546	1,1	2,1	10,2	14,9	24,5	47,2
	2019	16,9	27	0,559	1,3	2,3	9,1	14,8	26,4	46,1
Юго-восточный	2012	32,2	42	0,517	3,3	7,0	22,7	27,3	23,9	15,9
	2019	40,0	42	0,527	3,1	5,6	20,5	25,1	26,3	19,4
Южный	2012	27,0	14	0,478	3,2	6,3	21,3	29,0	24,5	15,6
	2019	38,0	14	0,467	3,0	5,3	21,3	26,6	28,1	15,7
Центрально-западный	2012	30,3	7	0,535	3,7	5,7	20,3	22,6	25,9	21,8
	2019	41,9	8	0,507	4,0	5,3	18,8	22,4	28,0	21,5

Методология определения границ социальных классов в Таблицах 2 и 3 различается: в Таблице 2 использовался подушевой доход в домохозяйствах, а в Таблице 3 — владение семьями определенной бытовой техникой и доступность услуг.

** — Для 2012 года указаны значения за 2013 год

Источник: составлено авторами на основе данных IBGE и ABEP

Роль относительно небольших пособий в снижении социального неравенства может показаться не столь значительной по стандартам стран ОЭСР или на фоне экспериментов с постоянным доходом в развитых странах. В условиях развивающейся страны с большим неравенством социальная политика такого рода имеет большое значение для улучшения распределения доходов и сокращения масштабов нищеты. Хотя объёмы переводов из-за границы довольно малы, они в значительной степени облегчают

существование бедных семей; а мультипликативный эффект этих небольших сумм в бедных регионах дает им огромный экономический толчок[44].

В то время как экономика процветала, казалось, что и Бразилия в целом процветает. «Однако экономический, социальный, политический, институциональный и судебный кризисы усугублялись, а судебный процесс по операции Lava Jato обнажил некоторые центры политической коррупции в партии и даже в верхах правительства. Социальный проект ПТ уже не мог продолжаться. Это перевернуло прежний «позитивный ландшафт» и ознаменовало разрыв со стратегией компромисса между различными классами и подклассами, которые поддерживали «проект Лулы» более десяти лет»[45]. Как мы указывали выше и как отмечали многие исследователи, достижение определенного уровня благосостояния новыми широкими слоями общества вызывает следующие потребности: качественное образование, здравоохранение, отсутствие коррупции и соблюдение социальной справедливости в широком смысле. Как пишет российский исследователь: «Скандал Lava Jato выявил незавершенность политической модернизации Бразилии, что отражает и незавершенность социально-экономической модернизации страны. Но она же отражает и более высокие требования гражданского общества, одной из предпосылок чего стало расширение пусть небогатого, но среднего класса по своим материальным характеристикам»[46].

Обращаясь в недавнее прошлое, левые критики прошедшего периода считают, что кризис администрации Дилмы Русеф следует понимать как завершение цикла правительственной модели, разработанной и введенной в действие посредством умелой политики межклассового компромисса. Это было особенно заметно под руководством Лулы, который в течение трех последовательных сроков (два своих и один при Д. Русеф) «сделал огромные уступки различным секторам господствующих классов, разработал политику перераспределения доходов для наиболее бедных слоев населения и обеспечил реальное увеличение минимальной заработной платы»[47].

Политика президента Лулы сыграла огромную историческую роль в изменении социальной структуры и характера бразильского гражданского общества. Она же указала и на то, что не могло измениться так быстро и при умеренном общем уровне

[44] De Conti B., Van Noije P., Welle A. Op. cit.
[45] Antunes R., Santana M.A., Praun L. Op. cit. P. 14.
[46] Красильщиков В.А. 2017. Цит. выше. С. 125.
[47] Antunes R., Santana M.A., Praun L. Op. cit. P. 16.

развития: подъем образования, профессиональных знаний, конкурентоспособности промышленности. Но без более широкой социальной базы сложно было ожидать политической стабильности.

Отвечая на те же четыре вопроса, которые мы поставили ранее, мы видим намного более узкую и долгую дорогу к модернизации общества, нежели просто подъем уровня дохода. Ответ на первые два вопроса прежний: использование благоприятной конъюнктуры для роста и проведение, как сказано выше, “elaborated income redistribution policies” для того, чтобы подключить массовые слои общества к доступу к результатам экономического роста.

Вопрос «что пошло не так» имеет свои нюансы, поскольку мы здесь исключаем фактор внешней конъюнктуры. По сути дела фактор времени становится принципиально важным – мало дать дополнительный доход бедным семьям, нужно время и на развитие образования, здравоохранения, новые вложения в экономику для того, чтобы превратить потенциальные возможности в новый человеческий капитал. И его надо эффективно загрузить для роста конкурентоспособности. Частью решения социальных проблем является, разумеется, и сокращение социального и регионального неравенства, но эти проблемы решаются не за два-три президентских срока. Здесь проблемы обострились отчасти в силу успеха реформ первых лет. Наконец, вряд ли можно воспроизвести бразильские условия в другом месте для повтора эксперимента. Скорее можно наметить рубежи, до которых продвинулась Бразилия в решении социальных проблем, понять, как при этом перестраивается гражданское общество и общественные запросы.

4. Новый политический поворот – кризис 2020 года

Политическая устойчивость, необходимая для продолжения реформ, углубления социальных преобразований и экономического роста оказалась под угрозой после импичмента Д. Русеф в 2016 году, который левые рассматривают как «государственный переворот»[48]. Таким образом, короткий период правления М. Темера (31 августа 2016 – 2018 гг.) вполне может рассматриваться как этап адаптации политической системы страны к экономическим потрясениям и кризису в обществе в связи с когнитивным диссонансом между лево-популистской традицией и коррупционными махинациями, доказанными в судах. В момент, когда демократическая система должна была найти в себе силы для продолжения стабильного развития, Бразилия медленно и мучительно выходила из рецессии. На фоне общего кризиса у страны в 2018 году не оказалось сильного левого («рабочего») кандидата в ситуации, когда суды не позволили Луле снова пойти на выборы: «Выборы происходили на фоне очень глубокого экономического, социального и политического кризисов, повлекших за собой высокий уровень безработицы, рост преступности и утрату веры в институты (даже в демократию). Без Лулы, в качестве кандидата, выборы стали довольно непредсказуемыми»[49].

В течение 14 лет (2003-16 гг.) президент Лула, его преемник Дилма Русеф и Партия трудящихся (ПТ) пытались поддерживать многопартийную основу для сложной компромиссной политики в сфере трудовых и распределительных отношений. Но в значительной степени это было фактором личного влияния Лулы да Силвы, который дважды выигрывал выборы с более чем 60% поддержки (Таблица 4). До последнего момента в 2018 году сохранялись шансы, что он сможет принять участие в выборах и даже выиграть. Его замена в практически последний момент на другого представителя ПТ, мэра Сан-Паулу Фернанду Аддада, который не был достаточно крупной политической фигурой, и конфронтация левых и правых уже не давала шансов ПТ на значительное влияние. Фактически макроэкономический (финансовый) кризис, коррупционный скандал и политическая борьба с участием СМИ против левого движения окончила попытку компромисса лево-правого толка для выхода из «ловушки

[48] Antunes R., Santana M.A., Praun L. Op. cit. P. 14.
[49] de Conti B., van Noije P., Welle A. Op. cit.

среднего уровня развития». Страна вынуждена будет начинать этот процесс заново, хоть и с несколько более высокого социально-экономического уровня, чем двадцать лет назад (не все достижения потеряны). Однако энтузиазм, доверие к политикам и склонность к компромиссам у электората во многом утрачены.

Таблица 4 – Президентские выборы и президенты в Бразилии, 1994-2018 гг.

Доля голосов на выборах у победивших кандидатов, %

Год выборов	*Победитель*	*Доля голосов победителя*
1994	Фернанду Кардозу	54,3
1998	Фернанду Кардозу	53,1
2002	Лула да Силва	61,3
2006	Лула да Силва*	60,8
2010	Дилма Русеф	56,1
2014	Дилма Русеф**	51,6
2016	*Мишель Темер****	*Бывший вице-президент, вступил в должность президента сразу после импичмента Дилме Русеф без выборов*
2018	Жаир Болсонару	55,1

Источник: Составлено авторами на основе данных Álvarez-Rivera M. Election Resources on the Internet: Federal Elections in Brazil http://electionresources.org/br/president.php?election=2018&state=BR

* Приговорён в июле 2017 г. на 9,5 лет тюремного заключения, впоследствии срок был увеличен до 12 лет, затем сокращен до 8 лет, 10 месяцев и 20 дней. Всего провел непосредственно в заключении 1 год и 7 месяцев, но 8 марта 2021 г. все обвинения были сняты Верховным судом Бразилии, и Лула Да Силва был восстановлен в политических правах[50] .

** 31 августа 2016 года объявлен импичмент за нарушение бюджетного законодательства (сокрытие роста дефицита бюджета, взятие кредитов у государственных банков для покрытия расходов на социальные программы без одобрения Конгресса) и злоупотребление служебным положением.

*** С 21 марта по 2019 года находится в тюремном заключении на время следствия по делу о коррупции, связанной со строительством АЭС в Рио-де-Жанейро («Операция Припять»).

[50] Lula deixa a prisão em Curitiba, agradece a militantes e critica Lava Jato // Globo, 2021. URL: https://g1.globo.com/pr/parana/noticia/2019/11/08/lula-deixa-a-prisao-em-curitiba-apos-decisao-do-stf.ghtml

Победа и первые два года правления президента Жаира Болсонару – это реакция правых на длительное правление популистов, причем в связи с делами о политической коррупции перетянувших к себе на выборах определенную часть бенефициаров политики президентов-популистов. Тут дело не в личной благодарности или неблагодарности электората, а в логике социально-политических процессов: выравнивание социального неравенства, рост уровня образования, социальный прогресс предполагает выборность, ответственность, справедливость, равенство перед законом, и немедленно отсутствие коррупции. Переход бедных в нижний средний класс усиливает требования гражданского общества к политической системе, а не ослабляет их.

Ж. Болсонару, по нашему мнению, выступает как представитель традиционного правящего класса, отодвинутого от власти на целое десятилетие. Этот класс с опорой на свои финансовые ресурсы, широкий контроль над СМИ и наличие традиционного союзника «на Севере» против левых (ранее просоветских) пытается вернуться к власти. У богатых есть финансовые ресурсы и без коррупционных схем: Ж. Болсонару позволили выиграть такие факторы, как сплочение сил, оппозиционных Партии трудящихся; привлечение экономических элит, желающих либеральных реформ; моральный консерватизм, связанный в том числе и с церковью; отчаяние населения на фоне социально-экономического контекста и, как следствие, жажда перемен у значительной доли населения[51].

Программа нового президента носила характер конструкции из традиционных правых лозунгов (свободное владение оружием, реформа пенсионной системы), выстраивания отношений с правыми президентами (Д. Трампом, М. Сальвини, Б. Нетаньяху) и недостаточно серьезного отношения к экологическим и климатическим проблемам[52]. Последнее значительно противоречит концепции устойчивого развития, в реализации которой Бразилия демонстрировала значительные успехи ранее[53].

В наши цели не входит анализ тактики предвыборных кампаний или текущей социально-экономической политики Бразилии, а вот крупные уроки при «правом повороте» вполне достойны свода и анализа. В течение своей избирательной кампании

[51] De Conti B., Van Noije P., Welle A. Op.cit.
[52] Ibid.
[53] Щербакова А.В., Смагина А.В. Роль концепции устойчивого развития в экономической политике Аргентины и Бразилии. Латинская Америка. 2019. № 5. С. 52–63.

Ж. Болсонару делал упор на обещания искоренить коррупцию, преступность и решить проблему бюджетного дефицита, но не называл конкретных мер и цифр. Такие «классические» проблемы для Бразилии, как социальное неравенство и бедность, политик практически не затрагивал: он стал первым президентом с 1985 года, кто не упомянул эти проблемы в своей инаугурационной речи[54].

В практические задачи президента в ходе рецессии и бюджетного кризиса 2018-19 гг. входило несколько ключевых реформ. Мы поместили Рисунок 5 с графиком бюджетных расходов и долгов в раздел об эпохе нынешнего президента Ж. Болсонару с тем, чтобы было видно фактическую ситуацию в последние годы и в 2020 году, в котором пандемия COVID-19 наносит гигантский вред бразильской экономике, имиджу страны и имиджу президента.

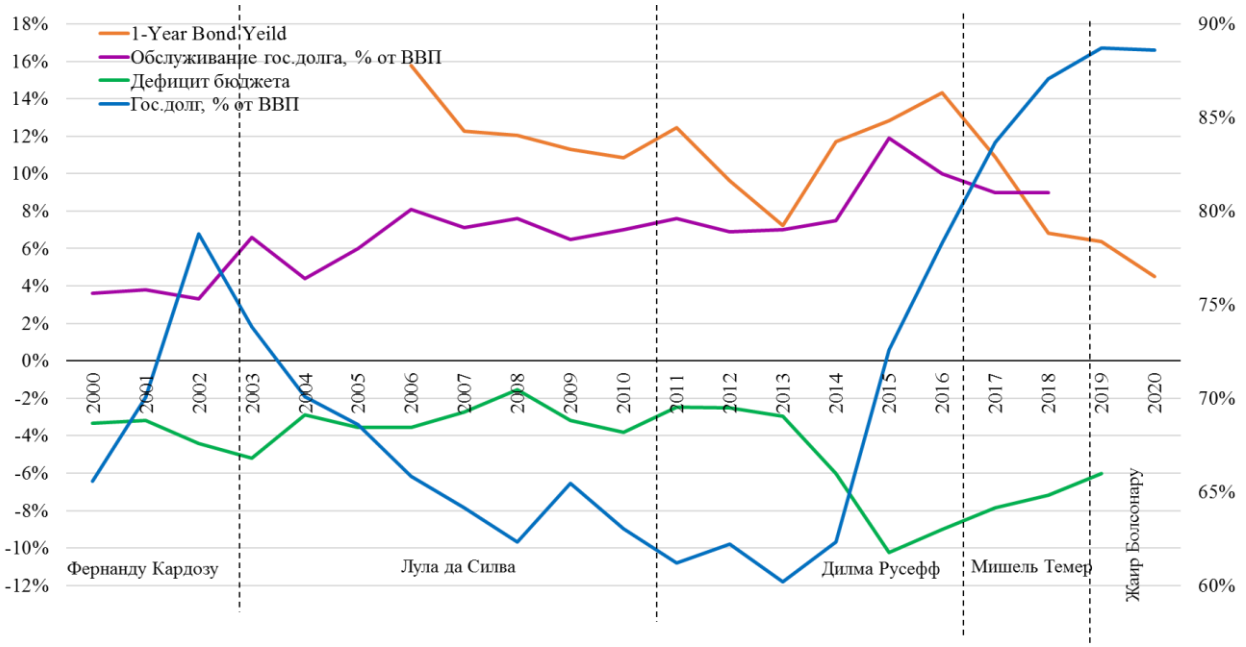

Рисунок 5 – Государственные расходы и долги. 2000-2019, 2020 – оценка

Источник: составлено авторами на основе данных FRED, МВФ, Investing. Com

Проведение пенсионной реформы – это не изобретение Ж. Болсонару и его правительства, а крайняя финансовая необходимость, доставшаяся ему по наследству от предыдущего президента М. Темера. Пенсионная система расходует в последние годы 12% от ВВП страны, и если ее оставить без изменений, то эта доля будет продолжать расти, подрывая шансы на финансовое оздоровление. М. Темеру не удалось провести

[54] The L.G.H. Brazil enters the Bolsonaro zone. The Lancet Global health. 2019. Т. 7. №. 2. P. e160.

эту реформу через Конгресс: для её утверждения необходимо конституционное большинство, 3/5 голосов.

Государственные предприятия играют значительную роль в экономике Бразилии, доход с них составляет около 5% ВВП. Однако управление крупными госкорпорациями (во всем мире) часто ведется неэффективно. Как и в случае с пенсионной реформой, приватизация – это не столько идея правительства Ж. Болсонару, сколько мера по сокращению дефицита государственного бюджета, как это наблюдалось еще в 1990-х гг. (приватизация отраслей телефонной связи, электроснабжения, санация и приватизация банков)[55].

В текущей ситуации государственный долг, который достиг 91,6% от ВВП в 2019 году, особенно опасен. Приватизация не популярна среди населения: 44% граждан категорически против неё, ещё 17% частично не согласны – люди опасаются, что Бразилию «раскупят», что качество товаров или услуг останется прежним, а цены на них вырастут[56]. Бразилия занимает 106 место в мире из 180 по индексу восприятия коррупции за 2019 год[57]. Именно категорическая позиция в отношении коррупционеров и противопоставление себя предыдущим президентам во многом предопределили победу Ж. Болсонару на президентских выборах. Напомним, что закон об ограничении государственных расходов, который М. Темеру удалось в 2016 году провести через Конгресс, связывает руки правительству.

[55] Григорьев Л.М. Программы приватизации 1990-х годов. Экономика переходных процессов, МУМ, М., 2010. Т. 1, С. 508–510.

[56] Gielow I. Brasileiro rejeita privatização, diz Datafolha. Folha de S.Paulo, 5.jan.2019. URL: https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2019/01/brasileiro-rejeita-privatizacao-diz-datafolha.shtml

[57] Transparency International. Transparency International in Brazil. https://www.transparency.org/en/countries/brazil

5. Уроки реформ в сложных условиях

Итоги деятельности президентов Бразилии за XXI век можно расценивать двумя противоположными способами. В настоящий момент страна в значительной мере разделена политически. Правые контролируют исполнительную власть, часть СМИ и опираются на США, для которых стали внешними партнерами. Но выборы президента должны состояться в 2022 году, причем Лула да Силва подтвердил, что примет в них участие[58]. Для периода третьей подряд рецессии с 2008 года и тяжелейшей пандемии COVID-19 (особенно в фавелах) это вновь очень сложная политическая ситуация, как перед выборами 2018 года.

Оценка событий последних десятилетий интеллектуальными кругами довольно мрачная. Итогом успеха политики Лулы и отступления Партии трудящихся, не сумевшей удержать национальный консенсус по многим вопросам, стала «политическая практика, характеризующаяся увеличением роли судов в политике и политизацией правосудия. Все это происходило при полной поддержке крупных медиакорпораций. Бразилия, которая, казалось, шла по новому многообещающему пути, снова вступила в «превентивную контрреволюцию», если воспользоваться одной из концепций Флорестана Фернандеса»[59].

МВФ оценивает рецессию в Бразилии в минус 5,8% ВВП по ППС в 2020 году, что отбрасывает страну примерно в 2007 год по ВВП на душу населения. Пандемия в Бразилии на лето 2020 года вышла на второе место в мире по массовости заболеваний и смертности, причем осенью она еще не была остановлена. Выход из рецессии потребует значительного роста в США и Еврозоне, в которых прогнозируемое падение ВВП по ППС на 4,3% и 8,3% соответственно также ударило по ценам на сырьевой и продовольственный экспорт Бразилии. Нельзя исключить риски длительной стагнации и отката назад в социальной сфере. Президентские и парламентские выборы в 2022 году заведомо будут проходить в сложной социально-экономической обстановке. Так что риски устойчивости велики и следующий «набор» реформ создает сложную ловушку для развития – сходу ее проскочить не удалось, но и масштабы другие, требующие больше времени, ресурсов и координации. Бразильская «великая рецессия» 2015-16 гг.

[58] Lula confirma candidatura presidencial em entrevista a revista francesa, // Poder 360, 20 maio 2021. URL: https://www.poder360.com.br/eleicoes/lula-confirma-candidatura-presidencial-em-entrevista-a-revista-francesa/
[59] Antunes R., Santana M.A., Praun L. Ibid. P. 17.

(минус 6,7% падения ВВП за два года), как мы увидели выше, не смогла полностью нивелировать достижения социально-экономических преобразований и роста в 2003-14 гг. Но шаг назад в общественном благосостоянии произошел значительный, а новая рецессия 2020 года, видимо, будет еще более тяжелой, причем осложненной пандемией COVID-19[60].

Но можно взглянуть на историю Бразилии в XXI веке и с точки зрения пройденного пути от времен диктатуры в политике и обществе, частых спадов с гиперинфляцией в экономике и безнадежного социального неравенства. За четверть века и несмотря на три рецессии, страна не скатилась к диктатуре как к способу решения проблем в разделенном обществе. Сохранилась свобода СМИ и независимость судов, которые смогли в сложнейшей обстановке противостоять коррупции в политических кругах и крупном бизнесе. Историческая параллель ведет к Ф.Д. Рузвельту, который смог сманеврировать в социально-экономической сфере, получив власть при 40%-ном сокращении ВВП в стране. Но он не смог даже на первом пике популярности преодолеть сопротивление Верховного суда (хотя позже удалось включить в него своих представителей), так что его многие начинания длительное время оспаривались в судебном порядке. Но в целом в США изменение институтов социальной и экономической жизни обеспечивалось законом и правоохранительной системой, а не административными решениями. Мы рискнем предположить, что Ф.Д. Рузвельту не удалось бы провести свою программу в Бразилии в XXI веке, хотя оба президента при всей риторике не пытались серьезно затронуть характер распределения богатства в стране. Но это связано во многом с различиями положения США в 1930-х гг. и Бразилии в 2000-х, особенно по разнице геополитических условий.

Значительный экономический рост в начале XXI века укрепил положение среднего класса Бразилии, что обеспечило определенную долю независимости гражданского общества от олигархов и государства и стало частью демократической системы страны. В тяжелых экономических условиях демократическая система выдержала, смогла частично изменить условия распределения доходов в пользу среднего и нижнего классов, создать общую логику движения страны вперед на четверть века. Это можно считать успехом в решении первой группы ловушек среднего уровня развития, причем

[60] Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020… Вопросы экономики, №5, 2020. С. 5–24.

как стартовых (социальное неравенство, экономический застой и безнадежность), так и ловушек в социально-политической сфере (развитие гражданского общества, борьба с коррупцией, устойчивость институтов демократии и сохранение независимости судов).

Успехи и отступления последней четверти века в трансформации бразильского общества – это живой и поучительный пример развития общества со многими проблемами, сходными с положением других стран, вышедших на «средний» уровень развития. Важность данного примера для России вытекает из нескольких причин:

- события происходят в наше время и могут изучаться «онлайн» в реальном времени, а не как пример из прошлого, происходившего в иных условиях;
- размеры страны, социальное неравенство, привязка доходов экспорта к колебаниям мирового сырьевого рынка дают много общего;
- средний уровень развития при недостаточной конкурентоспособности промышленности, слабости банковской системы требует координированных решений в социально-экономической сфере при сохранении политической стабильности, свободе СМИ и устойчивости и независимости судебной системы — видимо, «общей ловушке».

Независимо от оценки итогов прошедшего периода, необходимо признать, что ловушка среднего уровня развития в широком смысле слова еще не пройдена. В более прикладном подходе — и при условии сохранения демократических институтов — у Бразилии остается нерешенным набор проблем, который ранее у нас назывался «второй ловушкой». Если не впадать в зависимость от магии перечисления ловушек, то этот набор проблем или эта ловушка потребуют, похоже, целого поколения (15-25 лет). Президент Ж. Болсонару выиграл выборы и действует в интересах традиционного («правого») истеблишмента страны при поддержке США и лично президента Д. Трампа[61]. Однако проблемы Бразилии нельзя решить путем консервации социальной и политической структуры при той степени разделения политических взглядов, которая наблюдается в стране, не завершившей процесс выхода из индустриального (с аграрными мотивами) этапа развития. В этом плане можно было бы подумать об уроках Ф.Д. Рузвельта как автора и исполнителя одной из немногих успешных, в конечном итоге, трансформаций страны[62].

[61] Григорьев Л.М., Григорьева Н.Л. Экономическая динамика и электоральное поведение» в кн. «Феномен Трампа» под ред. А. В. Кузнецова, М., ИНИОН, 2020.

[62] Астапович А.З., Григорьев Л. М. Великая депрессия в США – преодоление ловушки» (предв.) в кн. «Опыт выхода из кризисов последнего столетия и его уроки для наших дней, науч. ред. И. А. Макаров (в печати на момент написания).

Опыт бразильских реформ XXI века дает смешанное ощущение возможности успеха в задаче огромной сложности – необходимости избегать различных ловушек. Это осознается бразильскими экономистами, причем далеко не сторонниками «Лулы и Дилмы»: «Проложить дорогу реформ было не просто. Проведение институциональных реформ часто осложнено тем, что противостоять им гораздо легче, чем найти достаточную поддержку. Зачастую такие реформы создают концентрированные расходы и размытые выгоды. В большинстве случаев бенефициары реформ даже не замечают изменений, так как они наступают медленно, в долгосрочной перспективе, в то время как потери концентрированы и почти мгновенны. Группы, лишенные привилегий, будут воспринимать реформы как угрозу, а значит, будут пытаться остановить их»[63].

Данные положения не только полностью соответствуют современной институциональной теории, но и будто написаны в России. Непосредственные уроки истории Бразилии могут быть сформулированы при том понимании, что выполнение этих советов не всегда нереалистично:

1. Реформы желательно проводить во время мирового экономического подъема (при росте спроса на экспортные товары страны).

2. Реформы могут дать всем группам малоимущих некоторое увеличение дохода, но важно придать этому процессу устойчивый прогресс.

3. Судебная система должна сохранять устойчивость и независимость; хотя это предполагает сужение пространства для маневра у реформаторов, зато обеспечивает предсказуемость и стабильность делового климата и борьбу с коррупцией.

4. Рост личного потребления должен по возможности прагматически обеспечиваться не импортом, а внутренним производством.

5. Левые (реформаторские) партии у власти могут быть вынуждены играть по правилам традиционного общества, но не могут позволить себе даже подозрения в коррупции.

6. Долговое финансирование государственных (потребительских) расходов обречено на конфликт в силу колебаний доходов страны при экспортной зависимости.

7. Никакие меры экономической политики не могут быть вечными при любых внешних обстоятельствах либо применимыми без социальных издержек.

[63] Coelho D.R. Op. cit.

8. Высокое социальное неравенство важно при перестройке распределительных отношений и не может игнорироваться.

9. Формирование среднего класса из относительно малоимущих слоев вскоре повышает требовательность гражданского общества в части демократии, борьбы с коррупцией и запроса социальной справедливости.

10. Преемственность трансформационной политики должна обеспечиваться парламентской и общественной поддержкой на 10-15 лет (3-4 президентских срока).

11. В эпоху, когда СМИ стали играть еще более важную роль в определении правых и виноватых, необходима их поддержка.

12. Применительно к Бразилии надо помнить, что футбольные чемпионаты проводятся в годы президентских выборов и влияют на общую социально-психологическую обстановку в стране.

Долгосрочные внутренние социально-политические, институциональные проблемы страны остаются пока не решенными, пандемия и рецессия оттягивают текущие управленческие и финансовые ресурсы. Это блокирует возможность проведения долгосрочных структурных экономических реформ, так как правительство вынуждено решать социально-экономические проблемы на краткосрочной основе. В среднесрочном плане Бразилии важно будет преодолеть пандемию и рецессию и вернуться к росту, не потеряв позитивных результатов социальных и структурных реформ. Тяжесть протекания пандемии COVID-19 в стране отражает высокое неравенство, слабость здравоохранения и проблему необеспеченности жильем бедных слоев.

Острые текущие проблемы уже ставят вопрос о том, какова будет конфигурация власти и кто выиграет президентские и парламентские выборы в 2022 году. Политическая конфронтация при расколе общества и электората – третья ловушка – требует поиска новых путей социально-экономической модернизации.

Список использованных источников

Albuquerque E.M. Brazil and the Middle-Income Trap: Its Historical Roots. Seoul Journal of Economics, 2019.

Andreoni M. Michel Temer Brazil's Deeply Unpopular President, Signals Run for a New Term. The New York Times, 24 March 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/03/24/world/americas/brazil-michel-temer.html

Antunes R., Santana M.A., and Praun L. Chronicle of a Defeat Foretold. The PT Administrations from Compromise to the Coup. Latin American Perspectives. Issue XXX, Vol. XX No. XXX, Month 201X, 1–20.

Bresser-Pereira L. C., Araújo E. C., Peres S. C. An alternative to the middle-income trap. Structural Change and Economic Dynamics. 2020. P. 294–312.

Brito A., Foguel M., Kerstenetzky C. The contribution of minimum wage valorization policy to the decline in household income inequality in Brazil: A decomposition approach, Journal of Post Keynesian Economics, 2017.

Brito A.S., Kerstenetzky C.L. Has the minimum wage policy been important for reducing poverty in Brazil? A decomposition analysis for the period from 2002 to 2013. EconomiA. 2019. №20.

Coelho D.R. Brazil's economic reform roads. Business Economics. 2020.

da Silva L Carta ao Povo Brasileiro (Лула да Силва «Письмо народу Бразилии» — перевод авторов статьи). Folha de Sao Paulo, 22 junho 2002. URL https://www1.folha.uol.com.br/folha/brasil/ult96u33908.shtml

De Conti B., Van Noije P., Welle A. Brazilian Economy: From Euphoria to Crisis (2003-2019). in: To Democratize or Not? Trials and Tribulations in the Postcolonial World. Ed. by V. Ipek, E.Akarçay. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020.

Gielow I. Brasileiro rejeita privatização, diz Datafolha. Folha de S.Paulo, 5.jan.2019. URL: https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2019/01/brasileiro-rejeita-privatizacao-diz-datafolha.shtml

Glawe L., Wagner H. The Middle-Income Trap: Definitions, Theories and Countries Concerned – a Literature Survey. Comparative Economic Studies 2016, 58.

Jaguaribe H. Brasil, 2000. Para um novo Pacto Social. 3-a ed. Rio de Janeiro: Paz e Terra. 1986.

Jaguaribe H. Crise na República: 100 anos depois. Primeiro ou Quarto Mundo? Rio de Janeiro: Thex. 1993.

Lula confirma candidatura presidencial em entrevista a revista francesa, // Poder 360, 20 maio 2021. URL: https://www.poder360.com.br/eleicoes/lula-confirma-candidatura-presidencial-em-entrevista-a-revista-francesa/

Sergio Lima M., Preissler Iglesias S. Temer is Brazil's Most Unpopular Leader Ever, Poll Says. Bloomberg, 28 September 2017. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-09-28/most-unpopular-leader-ever-in-brazil-is-temer-poll-shows

Singer A. Quatro notas sobre as classes sociais nos dez anos do lulismo. Psicologia USP. 2015. №. 1.

The L.G.H. Brazil enters the Bolsonaro zone. The Lancet Global health. 2019. Т. 7. №. 2. P. e160.

Transparency International. Transparency International in Brazil. https://www.transparency.org/en/countries/brazil

Villas Bôas B. Classes A e B voltam a crescer e atingem 14,4% da população. Valor, 29 Outubro 2019. URL: https://valor.globo.com/brasil/noticia/2019/10/29/classes-a-e-b-voltam-a-crescer-e-atingem-144-da-populacao.ghtml

Yusuf S. Middle-income countries: trapped or merely slowing? Asian-Pacific Literature, Cranford School of Public Policy. 2017.

Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные, М., Акт, 2015.

Астапович А.З., Григорьев Л. М. Великая депрессия в США – преодоление ловушки» (предв.) в кн. «Опыт выхода из кризисов последнего столетия и его уроки для наших дней, науч. ред. И. А. Макаров (в печати на момент написания).

Васильев С.А. Взаимодействие элит и эволюция распределения рент в Бразилии. Общественные науки и современность. 2020. №3. С. 80-93.

Григорьев Л.М. и Григорьева Н.Л. Экономическая динамика и электоральное поведение» в кн. «Феномен Трампа» под ред. А. В. Кузнецова, М., ИНИОН, 2020.

Григорьев Л.М. и Павлюшина В. А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000–16 гг. Вопросы экономики, №10, 2018.

Григорьев Л.М. и Павлюшина В.А. Бразилия: в ловушке среднего уровня развития. Мир новой экономики. 2016. №2. С. 28–37.

Григорьев Л.М. и Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство и проблема стадий развития. Вопросы экономики, №7, 2018, С. 5–29.

Григорьев Л.М. Программы приватизации 1990-х годов. Экономика переходных процессов, МУМ, М., 2010. Т. 1.

Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020… Вопросы экономики, №5, 2020. С. 5–24.

Давыдов В.М. Бразилия – страна будущего в настоящем. Международная жизнь. 2012. № 12.

Кардозу Ф. Э. Чтобы быть стабильной, демократия должна быть эффективной в сокращении массовой бедности и социального неравенства. Свободная мысль. 2010. №. 1.

Красильщиков В.А. Бразилия: от успехов-к системному кризису. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №. 4.

Красильщиков В.А. В ловушке среднего уровня доходов: опыт социологической интерпретации экономических проблем (на примере Бразилии). Социологические исследования № 11, 2016.

Салмина А.А., Григорьев Л.М. Социальная структура стран мира. В кн.: Мировая экономика в начале XXI века. Учебное пособие. Под общ. ред.: Л. М. Григорьев. М.: Директмедиа Паблишинг, 2013.

Щербакова А.В., Смагина А.В. Роль концепции устойчивого развития в экономической политике Аргентины и Бразилии. Латинская Америка. 2019. № 5. С. 52–63.